

НАКАЗАНИЕ ЗА ЖЕЛАНИЕ ЖИТЬ

Грэйс Райли

ПРОЛОГ

Воды лесного озера сегодня были спокойны. Мужчина стянул ботинки, закатал брючины выше колена и зашел в воду. Он сделал только два шага, погружая уставшие ноги до икр, и остановился. Короткий свист сорвался с его губ, а где-то поблизости с ним в унисон протяжно зарычало что-то хищное и небольшое.

В лес он ушёл ранним утром, за полчаса до рассвета. Сейчас же солнце было высоко.

Утро оказалось плодотворным: на рассвете он собрал Ночные листья Двухцветки Пыльцевой. Их необходимо срывать с первыми восходящими лучами солнца, чтобы сохранить столь редкие свойства. Листьев было немного, всего десять, но Микхе, его супруге, их хватит на две настойки: одну чтобы продать на заказ и вторую оставить на запас — мало ли, вдруг пригодится? Настойки с Ночными листьями использовались для втирания в ноги, чтобы убирать тяжесть.

Первые утренние часы после рассвета мужчина посвятил сбору ягод. Их всегда лучше собирать утром, пока не так жарко, пока сил много. Сегодня ему также удалось найти несколько грибов — Микха будет рада. Она давно просила найти хотя бы один съедобный гриб, чтобы сделать мазь для крыльев.

Микха, как и сам Нор, не принадлежали к людям. Они относились к фейри и проживали в Черте — деревне, что находится за стенами Схротена. Сама Черта не была обнесена стеной, но покидать границы было запрещено. Сквозь пальцы смотрели только на охотников: у них было разрешение, которое у Нора действовало еще в течение четырех дней. Он обязательно продлит его через неделю после истечения срока, так как уже через четыре дня он обязан отправиться на смену в шахтах, которая продлится семь дней. В конце последнего дня смены мужчина получит оплату в семьдесят пять серебряных — тогда-то можно будет и думать о продлении.

Через две недели, семейству Тибб, необходимо будет провести оплату за проживание в доме, что составляло одну золотую монету. В этом году им удалось собрать почти всю сумму. К сожалению, это были еще не все траты, которые предстояли для семьи, но сейчас мысли мужчины были освобождены от размышлений: он полностью отдавался спокойствию воды и позволял себе расслабиться.

Нор имел особую связь с водой. Она помогала ему отдохнуть от ежедневных тягот жизни, отбросить все мысли и дарила спокойствие. Вода была его стихией, поддерживая потомка своего всеми силами.

Мужчина был достаточно высокого роста, пускай и не самым высоким среди фейри. Отличительной чертой его вида были ярко-синие волосы, что уже отросли по плечи и Нору приходилось собирать их в небольшой хвост. Глаза у него были серыми, как и крылья: прозрачных помощников для полета защищала серебристо-серая пыльца, которая и придавала оттенок крыльям. Телосложение у Нора было крепким, да и не могло быть иначе, учитывая то, что мужчина трудился в шахтах. Работа эта была тяжелой и выматывающей, но зато платили за нее сто пятьдесят серебряных монет за месяц. Была у мужчины и отличительная от других фейри черта: шрам на шее, затрагивающий подбородок. След этот был неровным, ярким. Не смогли сгладить последствия ранения железом и мази Микхи. Шрам значительно выделялся на светлой коже.

— Ну все, — тихо произнес Нор. — Нам пора возвращаться, Руа. Я провожу тебя и пойду из леса.

Но выйти из озера мужчина не успел — его любимица поступила по-своему, лишь бы задержать фейри в лесу, лишь бы он больше времени провел с ней.

Руа была мантикорой. Одной из тех, что относились к миниатюрному виду и которые были почти истреблены людьми. Если бы не кожистые крылья, наросты на коленях и защищенный хвост с ядовитым шипом, скрытым в кисточке, она была бы похожей на самую обычную кошку. И именно это создание сейчас бросилось в воду, врезаясь головой в ноги мужчины и сбивая того в объятия озера.

— Руа! — рассмеялся Нор, смотря, как хищная красавица вспрыгивает на его грудь и ластится.

Нор потрепал любимицу по голове. Та громко урчала, топталась на груди мужчины и равнодушно относилась к тому, что лапки были мокрыми.

— Я тоже тебя люблю, — прошептал фейри. — Давай выходить из воды. Посидим на берегу, пока обсохнем. Но потом я тебя провожу.

Мантикора прыгнула в воду, затем в два прыжка оказалась на суше и отряхнулась. Нор расположился рядом с любимицей, сев на землю. Руа тут же улеглась на его ноги, продолжая урчать, ластиться, за что тут же получила порцию поглаживаний по мягкой шерстке на боках. Порой он жалел, что домашние животные во всей округе под запретом. Не будь этого закона, Нор не раздумывая привел бы Руа в тот дом, в котором он жил вместе с Микхой.

— Ты бы понравилась Прим... — пробормотал Тибб. — Стала бы ей подругой и скрасила ее жизнь... нам еще год бы продержаться. Чуть больше года... а потом будет легче.

Прим, о которой не раз рассказывал Нор своей любимице, была его дочерью. Все было бы не так плохо, родись она законно. Вот только о существовании девочки знали лишь трое: Микха, Руа и сам Нор.

— Знаешь, милая моя, ты бы скрасила не только жизнь Прим, но и нашу... наш дом, конечно, маленький, но какой есть: всего две небольших комнатки, одна кухонька и подвал. Но это наш дом. Тебе бы место нашлось. Спать могла бы на нашей кровати... мышей бы ловила.

Фейри вздохнул. Находясь рядом с водой, он чувствовал себя лучше. Здесь не было той тяжести, что была в Черте.

Жизнь в городе, в котором проживала семья Тибб, не была легкой. Впрочем, Нор понимал, что она не была легкой ни для кого из фейри: установлено слишком много законов, слишком много формуляров по прошениям и слишком много бедности. К примеру, семье Тибб необходимо было собирать три золотых в год: один золотой для оплаты дома, а два — для оплаты жизни. Годовой доход Нора, благодаря работе в шахте, составлял один золотой и восемьсот серебряных, а Микха получала в садах всего четыреста восемьдесят серебряных и ещё сто восемьдесят монет за уборку и выполнения мелких поручений в доме казначея. Остальную требуемую сумму они набирали благодаря настойкам, выращиванию, собирательству и охоте.

— Солнце уже высоко... Микха сейчас в садах, — он провел по ушку мантикоры. — А Прим дома... Знаешь, Руа, это невыносимо: прятать собственного ребенка, видеть, как ее крылья осыпаются и сама она слабеет... нам нужно продержаться чуть больше года. Тогда будет легче. Когда ей исполнится семь, я отведу ее в Лён. Я уже все распланировал, знаю всю дорогу... мы доберемся до Лёна и я оставлю ее недалеко от ворот. Там она сможет найти работу и сможет делать все, чтобы собирать деньги на жизнь.

Подобные разговоры стали уже традицией. Нор знал, что Руа не ответит, да ему и не нужен был ответ. Мужчина просто хотел выговориться. О всей той боли, что он хранил в своей душе, не мог рассказать никому. Микху он слишком сильно любил и не хотел огорчать. Если бы не крайняя нужда, Нор не стал бы работать на шахтах. Но его семье необходимы были деньги, и мужчина работал на износ, не отказываясь от дополнительных рабочих смен.

— Пора идти... — вздохнул Нор.

Мантикора недовольно дернула ушами. Конечно, говорить она не умела, но речь понимала и свято хранила доверенные тайны. Именно поэтому Руа спрыгнула с колен мужчины и лизнула его руку. Язычок у мантикоры был шершавым.

— Я тоже не хочу тебя оставлять, милая моя. Но надо... Листья Двухцветки Пыльцевой не будут ждать вечно, да и ягоды... и гриб... и тушки. Ты сегодня молодец: поймала зайца и двух белок. Давай по-честному — заяц тебе, а две белки мне.

Мантикора на его слова лишь фыркнула. Она прекрасно охотилась и в отсутствие Нора и могла себя прокормить. Поэтому, когда фейри встал на ноги и подошел к кустарнику, вытащив спрятанную корзину и достав из нее тушку зайца, хищная красавица подтолкнула тельце косоглазой жертвы головой к Нору.

— Руа, это твое. Без тебя я не поймал бы!

Но мантикора продолжила подталкивать тушку к Нору до тех пор, пока тот не был вынужден убрать зайца в корзину.

— Ты слишком добра ко мне.

Нор печально улыбнулся. Он помнил Руа совсем маленьким слепым котенком. Мужчина прекрасно помнил, как покупал молоко, добавлял в него огненных семян и выкармливал кроху. Мантикора была привязана именно к нему и ради него готова была охотиться.

Двумя часами позже мужчина вышел из леса и направился со своей корзиной домой. Он знал, что Руа в лесу в безопасности и понимал, что до опушки она его не проводит. Этого не хотел и сам фейри, так как отчаянно боялся за свою лесную подругу.

Домой мужчина не стал заходить. Шторы на окнах были плотно задернуты, а дверь заперта. Это означало, что Микха ещё была в садах. Задернуты шторы были и в домах у соседей. В это время многие были на работах и здания по их улочке почти все

пустовали. Фейри никогда не позволяли себе оставлять окна с раскрытыми шторами, если никого не было дома.

Перенеся все утренние лесные трофеи на задний дворик своей обители, Нор прежде всего занялся тушками. Их следовало освежевать, снять шкурки, избавить от когтей, голов и внутренностей. Затем тщательно промыть мясо и взвесить. После следовало обработать шкурки и подготовить их к продаже. После того как Нор закончил работу с тушками, он перебрал и ягоды: цельные на продажу, те что помялись — на стол семьи. После ягод он почистил грибы, порезал их на мелкие кусочки и залил водой в миске. В последнюю очередь он сложил листья в другую миску — с ними уже будет работать Микха.

Закончив обработку товаров на продажу, Нор сложил все в другую корзинку и отправился в центр города, чтобы как можно быстрее продать все то, что сегодня удалось собрать.

Нор рассчитывал получить за такую корзинку до пяти серебряных. Давно не было таких удачных дней, а все благодаря Руа. Если бы не ее помощь в охоте, то было бы всего двадцать медных монеток.

Семья Тибб проживала в предпоследнем доме на улице Западного ветра. До Торговой улицы, на которой располагались лавки, дорога занимала всего полчаса. Еще час потребовался на то, чтобы продать шкурки, мясо и ягоды. Вот только оплата Нора разочаровала. Он ожидал выручить гораздо больше.

Возвращался домой фейри с пустой корзинкой, сплетенной из тонких ветвей ивы. Он шел медленно, потому что понимал, что супруга будет дома, и пытался оттянуть разговор с Микхой. За такую корзинку он ожидал выручить почти пять серебряных, когда как заплатили всего восемьдесят пять медяков.

Им скоро платить за дом, а спустя полтора сезона — за жизнь. Но денег не хватало и мужчина судорожно размышлял на тему заработка и где найти монеты.

Нор был в бессильной ярости. И в этом году их жизнь на грани, а все потому что у них не получалось копить — семья и так жила впроголодь. Нор с ужасом думал о том, что они не способны были бы платить за дочь до ее семилетия.

Их малышка Прим Тибб была незаконнорожденной.

Существование фейри контролировалось людьми и подчинялось многим законам. Люди контролировали всю жизнь: от рождения и до смерти. С разрешения властей Черты заключались браки, выдавались разрешения на детей, но брак между Норм и Микхой не был официально заключенным: прошение о свадьбе не одобрили. Официально они жили в одном доме и лишь по собственным ритуалам была проведена свадьба.

Беременность Микхи была неожиданной для обоих. Их доход не позволял даже рассчитывать на разрешение, не говоря уже о том, что до семилетия ребенка родители платят за отпрыска пятьсот серебряных в год.

Предполагая отрицательный ответ от властей, Микха и Нор все же подали прошение о ребенке. Как и ожидалось — им отказали. Другого выхода, кроме как родить ребенка и скрывать его, у семьи просто не было. Услуги целителя стоили очень дорого, чтобы убить плод во чреве матери. К тому же такой способ сделал бы Микху бесплодной. Да и подкинуть другим фейри или дому людей тоже было страшно — вычислить роженицу по виду не составило бы труда, ребенка бы казнили, как и их самих. Об убийстве собственного чада они и думать не могли — за такое сама Мать Природа наказала бы куда худшими последствиями, чем обычным бесплодием.

За время беременности жены Нор обустроил часть подвала под комнатку, проклиная всех за то, что ребенка растить придется тайно.

Не обращаясь к целителю за помощью и скрывая свое положение, Микха родила дома дочь. Через три луны ее назвали Примулой, но документы на ребенка не были получены и никакой регистрации так же не было. Налог на жизнь дочери родители тоже не платили.

— Удачно? — тихо спросила Микха, когда Нор зашел домой, оставив корзинку на пороге.

Мужчина лишь вздохнул, достал из кармана куртки мешочек и передал супруге.

— Восемьдесят пять медных монет...

Микха ахнула, положила мешочек на стол и села на стул.

— У нас... не хватит... — прошептала женщина. — Нор, это даже хуже, чем в прошлом году... что мы будем делать?

Мужчина решительно сжал кулаки.

— Отправлюсь завтра на охоту еще раз. Попробую поймать тех странных тварей, за коих в прошлый раз дали с десятков серебряных, — Нор надеялся, что Руа сможет отыскать мелких василисков. — А...

— Спит, — предугадала вопрос супруга женщина. — Она устала. Без солнца ее крылья слишком слабы, почти нет пылицы... Нор... Ей нужно солнце. Хотя бы немного. Она даже неуверенно ходит, словно каждый шаг причиняет ей боль! Мы ведь можем потерять нашу дочь... мы можем ее потерять...

Мужчина опустил на корточки перед женой, обнял ее ноги и уткнулся лбом в колени Микхи.

— Я что-нибудь придумаю. Обещаю. Я все сделаю ради нашей семьи!

Шанс вывести Прим на улицу во время дневного солнца предоставился через две недели. В Черте было объявлено собрание, а в этот же день семья Тибб должна была произвести оплату за дом. Микха сказалась больной, поэтому Нор, взяв один золотой, направился в центр один. Они договорились, что Микха выведет дочь в сад и даст ей немного побыть под солнечными лучами.

Никто не предполагал, что маленькая прогулка обессиленного ребенка будет стоить им привычного уклада жизни.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Дом семьи Тибб был точно таким же, как и остальные, что вереницей строились друг за другом по улице Западного ветра. Прежние деревянные постройки были снесены после проигранной войны людям, и вместо уютных домов для фейри построили каменные мешки. Дома были однотипными, одной планировки: три помещения, маленькая прихожая-холл, подвал. В среднем помещении был маленький очаг, с помощью которого здание отапливалось в зимнее время. Одновременно в очаге вмещалось всего два полена или маленькая охапка тонких веток.

В доме семейства центральная комната была залом. Здесь Микха сушила листья, хранила различные зелья и снадобья, которые готовила по старинным семейным рецептам, переданных ей матерью. В комнате лежал ковёр — его Нор купил на распродаже, когда семья Кору вынуждена была продавать имущество, так как те не смогли собрать всю сумму налога за дом. В углу комнаты стоял деревянный сундук, в котором хранились разные миски, склянки и пустые кувшины. Кроме Микхи к сундуку никто не подходил. Правая комната была крохотной супружеской спальней: кровать и сундук с вещами, больше ничего и не вмещалось. Левая комната представляла из себя кухню, на которой вмещались: маленький треугольный стол, два трехногих табурета и две небольших тумбы напротив стола, в одной из которых хранилась посуда, а в другой — две корзины. У стены, напротив окна, в полу была дверца, которая скрывала лестницу в подвал. Там стояли стеллажи, на полках которых собирались запасы еды. В углу, за стеллажами, был обустроен уголок для Прим: небольшой пьедестал, на котором лежал матрас, трехногая табуретка, играющая роль прикроватного столика, на которой стояла свеча в чашке.

В день, когда разыгралась нежданная трагедия, был праздник Середины Радости.

Этот день был выходным во всей Черте, так как от рассвета старого солнца, его заката и до восхода юного солнца длился праздник Середины Радости, отмерявший середину сезона.

Таких дней, когда фейри делили солнце на старое и юное, за все привычные человеческому мировоззрению сезоны существовало всего четыре. Людям пришлось смириться с традициями Черты и смотреть на то, как жизнь в эти четыре дня замирала. Даже охотники откладывали луки и колчаны в сторону, чтобы отметить сезонные праздники вместе со всеми.

Накануне Микха вместе с Нормом провели уборку дома и сада, чтобы новое солнце увидело их землю чистой. Они сменили синие шторы на зеленые, а также завязали на одной веточке каждого дерева по зелёной ленте. Их дом, как и дома соседей, попрощался со старым солнцем и приветствовал новое.

Обед у семейства Тибб был праздничным: горячий бульон с зеленью и грибами, тушеный картофель и салат из свежих овощей. Стол был накрыт на двоих — дочь не составляла им компанию, ведь шторы не были задернуты.

В честь праздника Микха приготовила лучшую одежду, которую перестирала несколько дней назад и, ранним утром, пока Нор ещё спал, сняла наряды с бельевой верёвки, растянутой между двумя рябинами. Для дочери она перешла одно из своих детских платьев. Вот только одежда Прим никогда не сушилась в их саду, из-за чего вещам не хватало свежести.

— Родная моя, — улыбнулся Нор, разливая чистую воду по бокалам.

Микха тоже улыбалась. На её душе было спокойно. Вечером она обязательно спустится в подвал, принесёт тарелку с овощами Прим и, если останется, картофелем.

Улыбка у женщины была красивой, да и сама супруга Нора считалась вполне себе симпатичной: у неё были относительно короткие, по плечи, каштановые волосы — из-за работы с настойками она не могла иметь такие же длинные и блестящие локоны, как у других девушек фейри, так как они лишь мешались; ростом Микха была ниже супруга на голову, отличалась и телосложением: стройная, гибкая, как молоденькое деревце; крылья фейри напоминали сочные зеленые листья на ветвях. Женщина гордилась такой красотой и вся сияла, когда Нор бережно перебирал листочки на её крыльях. Как и полагается лесным фейри, кожа у женщины была светло-зелёной, а глаза — яркого, насыщенного зелёного цвета.

Этот день было принято проводить в кругу семьи. Утром приятные хлопоты и маленькие подарки: Нор вручил Микхе браслет из ракушек, а супруга ответным подарком вручила мужу новую охотничью сумку, Прим же от родителей получила новый гребень для волос. Днём — праздничный обед, а вечером — время для песен и танцев.

Микха собиралась поздним вечером задернуть в зале шторы, чтобы можно было вывести их малышку из подвала в зал. Отец бы спел одну из своих песен, мать бы станцевала, и они прекрасно провели бы этот вечер.

Обед уже подходил к своей середине, когда со стороны улицы раздались громкие, гневные голоса. Микха сложила тарелки на одну из тумб и из горшочка наложила в чистые миски тушеный картофель. Семья Тибб успела немного попробовать тушенное блюдо, как в дверь настойчиво постучали несколько раз. Супруги переглянулись. Гостей они не ждали.

— Может, сосед?

— Так праздник же... — растерянно проговорил Нор.

— Ну я сейчас им устрою! — поджала губы Микха, вскакивая на ноги. Если бы муж мягко не перехватил супругу, та бы уже оказалась возле двери и резко бы её распахнула.

— Я сам открою, Листочек мой. Кушай, родная, я скоро.

Мужчина усадил супругу за стол и направился к выходу. В дверь вновь постучали и громким голосом потребовали открыть.

— Уже открываю! — Нор обернулся на Микху, та встала из-за стола и подошла к двери кухни. Она не стала подходить к мужу.

— Нор...

— Всё хорошо, Листочек.

Мужчина выдохнул и повернул ручку двери, открывая её.

— Нор Тибб? — за дверью стоял мужчина, лет сорока или даже старше, и презрительно смотрел на фейри. Груфф Ависон был человеком, одним из помощников управляющего деревней. Незванный гость бесцеремонно оттолкнул Нору в сторону и перешагнул порог дома. — Стража. Общайте здесь всё!

Следом за вторым помощником управляющего Черты в прихожую домика Тиббов зашли три стражника.

Микха подошла к супругу, обеспокоенно взяв его за руку.

— Родной?

— Обыск... — прошептал мужчина.

— Этих двоих вывести на улицу. Чтобы не мешались.

— Не имеете права! — взвизгнула фейри земли. — Не в этот день!

Мужчина презрительно посмотрел на невысокую женщину, которая судорожно держалась за руку мужа.

— Если вы сейчас же не выйдите из дома на улицу, где я зачитаю вам официальную бумагу, то к списку нарушений добавится сопротивление властям.

Микха поджала губы. Нор был растерян и молчал, и за это женщина его не могла простить.

— Вы нарушаете традиции священного праздника! — её голос был полон недовольства и бессильной ярости.

— Нам надо выйти, родная... — тихо произнес мужчина, обнимая жену одной рукой и выводя её из дома.

На улице чета Тибб старалась не смотреть по сторонам. Соседи вышли из домов, собиравлась толпа, но все молчали. Не было и попыток остановить стражников — все просто молча наблюдали.

Второй помощник управляющего Черты, обведя взглядом присутствующих, гадко улыбнулся.

— Нор Тибб, Микха Эйви. По закону, под номером сто сорок один, вы обвиняетесь в сокрытии ребёнка. В случае, если донесение окажется верным, то за неуплату налога на жизнь ребёнка вы так же получите штраф. Указание главного управляющего Чертой — Варха Смола.

Нор сжал кулаки. Все же их сдали. Прежней жизни уже не будет и спокойное время уходило, как крупы песка сквозь пальцы. Как бы тихо себя не вела Прим, как бы не сжималась под тонким одеялом — её найдут.

Дом обыскивали со всей тщательностью, и вскоре раздался испуганный визг их дочери. Микха попыталась броситься к двери, но Нор её удержал.

— Не стоит, родная.

Женщина всхлипывала, муж держал супругу крепко, её трясло, а губы беззвучно шептали мольбы. Ей отчаянно хотелось защитить свое дитя.

И совсем скоро один из стражников вытащил из дома сопротивляющуюся девочку. Та испуганно визжала, пыталась убежать обратно в дом, но человек держал очень крепко и не отпускал.

Нор замер и чуть было не прекратил обнимать жену. Он уже не слышал ни изумленного перешептывания соседей, ни смешков стражников, ни презрительного хмыканья соседа, с которым он трудился на шахтах в одну смену и с которым временами охотился. Все внимание мужчины было приковано к маленькой дочери, которая кричала от ужаса и не могла находиться на улице днем, когда так много новых запахов и так много людей и фейри.

— Не надо... — прошептал мужчина. — Прошу, давайте в доме все решим... Прошу...

Но никто не собирался уступать просьбам.

Ребёнка дотащили до дороги и крепко держали, не обращая внимания на её крики, не давая закрыть лицо ладонями и не жалея.

— Донесение оказалось верным, — ухмыльнувшись, Груфф Ависон раскатал свиток, на котором, красными чернилами прописано было указание управляющего Чертой. Он посмотрел на плачущую женщину, хмыкнул себе под нос, немного прочистил горло и громко начал зачитывать следующие строки: — По донесению от одного из жителей Черты, деревни округа Схротен, Нор Тибб и Микха Эйви, не по закону людскому являющиеся мужем и женой и сожительствующие в одном доме фейри, укрывают от властей и жителей деревни свою незаконнорожденную дочь. Мы все стали свидетелями того, что сие оказалось правдой!

Толпа загудела, женщины вздыхали и шептались меж собой, а мужчины мрачно поглядывали на стражников, что схватили всё семейство. Никто не обратил внимание на то, что дочь Нора и Микхи замерла, затихла. Даже стражник решил, что девочка просто смирилась со своим положением. Не было замечено и то, что побледневший ребёнок пытался сделать вдох, но не получалось. Соседей больше всего интересовали родители малышки. Ведь на месте Тибб мог оказаться любой, поправший законы, установленные людьми. Война научила их, что неповиновение жестоко карается — если и не смертью, то огромными штрафами, от выплаты которых не на что было жить.

— Тибб и Эйви... Вы все трое отправляетесь в ратушу, где и решится ваша судьба! — помощник Варха Смола обвел всех пронзительным взглядом темных глаз и вскинул руку вверх, обращаясь уже к стражникам. — Увести их!

— Родная, я рядом, — прошептал Нор и медленно выпустил супругу из объятий. Он готов был подхватить её в случае необходимости, но Микха на ногах устояла. Голова её была гордо вскинута, хотя они и станут предметом обсуждений у соседей на ближайшее время.

— Мара, — женщина посмотрела на соседку из дома напротив, с которой работала в садах. — Зайди в наш дом потом. Задерни шторы, пожалуйста.

Соседка ей не ответила, да Микха и не ждала ответа. Эйви-Тибб пыталась сохранить достоинство, хотя отчаянно хотелось топнуть ногой и заявить, что она так не может и останется в доме, что они не сделали ничего плохого и люди виноваты в том, что им пришлось прятать собственное дитя.

Нор лишь вздохнул. Он вновь посмотрел на дочь и вдруг осознал, что что-то не так: не было ни слез, ни криков. Та стояла молча, вытянутая словно струна и пыталась сделать вдох. Девочка была настолько бледной, что слабый зеленоватый оттенок кожи не был замечен, а глаза были распахнуты.

— Малышка... — вырвалось у мужчины.

Не думая о последствиях, он бросился к дочери. Оттолкнул стражника, что держал Прим, схватил девочку и принялся растирать её грудь. Сейчас ему было плевать на всех и даже на себя. Главное было вытащить дочь из плена ужаса, чтобы страх её отпустил и чтобы она сделала вдох.

— Ну же, малышка, сделай вдох, прошу... — Нор нервничал, боялся, что время упущено, и отчаянно не хотел смерти дочери, хотя именно из-за неё их жизнь так сильно изменилась.

— Нор... — Микха смотрела на них не подходя, и поймала себя на страшной мысли: если супруг не вытянет дочь, то будет только лучше. Именно поэтому женщина продолжала стоять, не делая попыток броситься в дом за зельем, что могло успокоить Прим.

Нор же продолжал тереть грудь девочки, растирать её горло.

— Мой голос. Лисенок, слушай мой голос. Я рядом. Просто мой голос... Есть только ты и я. Больше никого... Ну же, маленькая моя... Сделай вдох... — время стремительно уходило, глава семейства это понимал. Он положил девочку на землю, поспешно вытащил из кармана платок и, сложив его, завязал глаза дочери. Нор делал все, чтобы успокоить ребёнка. — Есть только ты и я. Никого больше нет. Тебя никто не обидит.

Нор приоткрыл рот дочери и поделился с ней своим дыханием.

— Ну же. Один самостоятельный вдох... Прошу тебя. Ты не можешь уйти... Малышка...

— Нор... Не надо... — прошептала Микха.